

*...Ни одной персональной
судьбы —
Все судьбы в единую слиты.*

В. Высоцкий

Какие бы ветры в стране ни
взгудели, в глубинке — «ау!»...
Война. Сырымская степь — при
седле. Старший из трёх сыновей
Кожжановых — на призыв, как
ветер. Отломить бы лепёшку,
второпях откусил... Плохая при-
мета полоснула по материнскому
сердцу: «Не вернётся!»

Не вернулся: «Без вести»...
Каждую пятницу — поминаль-
ные лепёшки. Вкусные, сытные.
Одна остаётся... Не забыть пер-
венца. Нет, не забыть. Заглох
розыск... Лепёшка на столе. Пять
лет, семь, восемь. На десятый
дал Аллах безутешной утешенье
— четвёртого сына. На какой-то
планете и суток не прошло, а
здесь и младший сын старше
старшего. И он — по пропавшему

следу: а вдруг? Расспросы пришедших фронтовиков, депеши... Сыск разбивался о Днепр, о последний «треугольник» с войны. «Да где ж ты, брат?»

Зов крошечного казахстанского аула. Отзыв крошечной белорусской деревеньки. Через города-веси — побратимы. Тайные токи — полусном: солдаты. Строй уходящих... Один оглянулся: вместо лица — туман.

— Мажит! — узнал брат никогда не виданного брата. Защитный цвет пилоток взялся листвою...

Утро распахнулось для Жумажана сутью земного-небесного. Проста суть: ехать к брату.

Горькая весть хуже безвестия... Черномраморные плечи мемориалов подставляют себя под людское горе: каменные, не сторбятся. И через годы не сторбятся, нет.

Семидесятые, отойдя от невзгод, вспомнили о душе, о прикопанных за околицей. Как грибочки из трав, повсходили обелиски; простенькие памятники с фамилиями и без... Филигранные плиты братских могил легли.

У Жумажана Кожжанова своя Стела: за околицу сердца — никак. Подождите ещё немного, белорусские пущи. Степняка увлёт город, токарное дело. О другом не мечталось, не думалось... Но пожар в цехе. И руки, как запоротые детали. Куда с ними? Линия судьбы по искорёженной ладони пробилась, повела... Заочное. Диплом открывал горизонты.

И — лавина, как с кручи: перестройка-передел. Ржут троянские кони по всем советским. Окна вдребезги. Не стекольник ли с бодуна? Утром пойдёт орать по побитой державе: «Стекло, кому стекло?»

Газеты обозначили новое утро Нового мира: «Евростекло! Евроремонт! Евробанк!» ...Сквозняки.

Кожжанов к горю-морю лицом: по должности, в ответе за всех сырых-калечных. Таковых в области — дивизия. «Нью-удочка» не про всех: большинству — хлебушка, лекарств, костылей. В изувеченном безработицей городе — где, чего? К берущему разбег дикому рынку с просьбой: «быть человеком». Сквозь глухоту слышащих — на свет или имитацию света? Служебный УАЗик буксовал не только на вязких дорогах: никто не шёл на нас с войною и мы ни на кого. А на глазах рушится город, крепкий, промышленный. Да, на глазах. И им больно: торгаши, извозчики... Средневековье. Но не век же? Кожжанов верит своему президенту. «Остров ограниченных возможностей» обретёт значимость слов: трудоустройство, центр реабилитации, паралимпийский флаг. Золото, серебро, бронзу, конечно, во славу родины.

Так или иначе, нищее «по миру» вырастает иногда в гордое «всем миром!»

*Души изменчивой приметы
переносить на полотно.*

Н.Заболоцкий

Степь. С розовых пенат — солнце. Ток беженцев: от железного ленинградского кольца — к золотому. Платочки, панамки мормышками — клёв для мессеров — явились; рёв, свист, гул. Чёрно-бурые взрывы — помесь людей с почвой... Оседают.

— В пелёночках синих... не видели?

Кто ответит мечущейся в аду, с двойней? ...Гон. Всяк в своём страхе. Лёгкие души косынок-панамок вырвались из дыма! Вырвались! Лишь им, кувыркающимся на ветру, и виден младенец: вот он, в перинах воронки. Положен — лежит. Нельзя ему сгинуть: свидетель должен запомнить всё! Пусть не памятью: кожей, лоскутами неба... И пусть закричит. Закричал.

До 50-летия Великой Победы два года. Городской заказ на портреты фронтовиков: «Уральск — война — Уральск». Исполнитель — художник Вячеслав Тихонов. Преподаватель художественной школы счастлив: ему! В свободное от работы — сверхработы. Рассчитал: в будни — по наброску, в выходные — два. Натурщики волновались. Раскрепощал. Светлели, рассказывали, чего никому, никогда. Фронтвички — с просьбой: уменьшить морщинки. Уменьшал: у души морщинок нет...

Ему вглядываться в лица, видевшие смерть. Вселять искорки во Вселенную штрихов-линий. Ремесло. Или «где дышит почва и судьба»? Графит его знает... Но

есть моменты, когда сам по себе замирает стержень.

...Тихонов успел собрать книгу отзывов о выставке портретов. Не успел к материальным расчётам за неё: казну разобрали. Урал менял русло.

В России, обобранной до нитки, возрождались храмы — без веры добьют... На исторической родине рука художника сгодилась. Вышло реставрировать и церквушку, мимо которой в лихую годину пронесла мать... Облака над ней. Кому облака, а ему — косынки-панамки... Словно то, прежнее небо не миновало...

«Ярославль-Уральск» — в перезвонах. Рисованный полк однажды назвал «Бессмертным». Стрела иронии знать не знала про эру «Бессмертных полков». Творческие и сами не знают, что они провидцы.

...Под Ярославлем могила отца-фронтовика, кадрового офицера Андрея Тихонова. Навещал с женой. И так дышалось на этом холме, так дышалось: «Здесь бы и остался!» — обронил. Здесь и остался...

Уральская галерея судеб ждала судьбу... Полк простоял у вдовы художника двадцать лет. О тайне в шкафу шёл слух. Да кому нужны? В новых учебниках герои Великой Победы — воины ненашенских стран... но сходятся звёзды! Год на воскрешение, и с мира по нитке — обветшавшее воинство — при параде! Крёстным Первого Бессмертного Полка — Жумажан Кожжанов.

Неисповедимы пути... Выставки экспозиции «под пилоткой» летучи: обстоятельства. Но и на «безанонсовые» летучки шли: однополчане, в одном строю. Лишь глаза из своего — о своём. Смотрели в глаза.

Канун праздника. Экс-столичный журнал приурочен к дню рождения Гитлера: «фашист — не фашист»... Уральская газета «личным мнением» расстреливает Великую Победу: «Победителей во Второй Мировой нет!»

Бери шинель, пошли домой.

Б.Окуджава

...«Казахстан-Белоруссия». Супруги Кожжановы. Деревня Пархановичи. Почётный караул высоченных берёз. Обелиск: четыре выразительно разноплеменных фамилии. Против каждой — как автоматной очередью: 26.06.1944... Командир взвода Кожжанов не пришёл к своей земле. Горсть родимой пришла... Помнящая мальчика-пастушонка что сообщит его праху? ...Радунница. Реальная надреальность: встреча живых и мёртвых. Ветерок: вскинулась победная листва иль пилотки? ...Оглянулось мгновенье: «Мажит?»

...Вместо лица туман...

Белый аист летит

Над Полесьем,

над тихим жнивьём.

Аист летит... Не свернёт ли из своей песни к белым журавлям?

Жумажану Кожжанову в графическом строю одного не хватает. Родня доносит: «Глазами — в мать, что-то от племянника». ... Фотоснимки знают, куда им: Айтиева, пятый этаж. Там обновлённый полк, там надежда.

...Станный, странный заказ у Надежды Тихоновой: взглядеться в лица двух, увидеть третье. Хотя что странного? Всяк художник — медиум в какой-то мере. В какой? Десятки набросков. Нужен один. Нужен тот, где б и физики засекли движение заряженных частиц... Замкнутую силу серебряной цепочки или, что там в ней, повело... Эскиз выбран. И пусть теперь хоть пробы на ДНК!

...Заказчик чувствует брата с порожка, как в той полувстрече, где вместо лица...

— Мажит!

Брат глядел на брата — маминими...

Живые с мёртвыми идут

По воле памяти сердечной...

Бессмертный Полк 2014, полководцы — Самат Газзатов, Денис Спиридонов (год позже), Злата Удовиченко. Родословные повелели: далёкие как преданья, близкие как снимки дедов. Первое шествие — триста уральцев. Миссия — «помнить».

— Забыть! — серые кардиналы не дремлют: куда ж без них? ... Путь к Стеле с препятствиями. Но кто остановит господне? Пять лет — и гвардии рядовых Бессмертного Полка — до семи тысяч.

...Удвойте: будто не несут, не под-
нимают ходоки своих над собой,
будто под руку! ...Полковая Раду-
ница!

Ветрами сдуты бугорки —
по небу тянутся колонны.

Идут Бессмертные полки —
и значит, радуницам помнить:
Была священная война —
на всех одна!

...Живые с мёртвыми идут
по коду памяти сердечной!

А подворотенки — в редут:
кому-то надо сдвинуть вечность
С проспекта в уличный развал,
с гербов — на мусорные бренды,
И звёзд наличный арсенал,
и нерв Георгиевской ленты!

Тут не с ноги и не с руки.
Тут нет знамён: обеззнамёнка.
Идут Бессмертные полки,

чтоб знали смертные о том, как
и кровь, и знамя на песок —
через висок...

А те, которым не взглянуть
в глаза и души похоронкам,
Мнут и коротят мегануть
полустреноженным колоннам.

«Курлы» — над стелой
млечный дым,
а в микрофонный фен — девчонка:
«Мы за ценой не постоим!»

...А вы, надменные потомки?

Бессмертному Полку быть!
И вот уже прошли без видимых
подножек. И лет через сто-двести
мелькнут в его рядах лица, похо-
жие на Кожжановых, Тихоновых,
Спиридоновых, Газзатовых, и ты-
сячи лиц, освещённых Вечным
огнём. И ни одной персональной...
Все судьбы — в единую слиты...